

**ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ
ВОСТОЧНЫХ
ФИННО-УГОРСКИХ
ЯЗЫКОВ**

Р е д к о л л е г и я:

Мосин М.В. (*ответственный редактор*), Иванов И. Г.,
Феоктистов А.П., Цыганкин Д.В., Цыпанов Е.А., Шутов А.Ф.,
Антонов Ю.Г. (*ответственный секретарь*)

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
Правительства РМ и Международного Консультативного Комитета
финно-угорских народов

П 78

Проблемы и перспективы развития восточных финно-угорских языков: Материалы науч.-практ. конф. «Функционирование языков и состояние этнокультуры восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития» (4—7 июня 2003 г., г. Саранск)/ МГУ им. Н. П. Огарева, Междунар. консультатив. ком. фин.-угор. народов; Редкол.: М. В. Мосин (отв. ред.) и др.—Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2003.—320 с.

ISBN 5—7493—0615—1

Настоящий сборник содержит доклады, сообщения и тезисы выступлений, сделанных на Международной научно-практической конференции «Функционирование языков и состояние этнокультуры восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития», состоявшейся 4 - 7 июня в г. Саранске. В основном в нем представлены материалы работы трех секций конференции, рассматривавших функционирование языков, их изучение в системе образования Российской Федерации, а также проблемы формирования современной финно-угорской терминологии.

В работе указанных секций принимали участие не только профессиональные исследователи, но и школьные учителя, представители ряда культурных автономий народов Поволжья, журналисты. Это отразилось на тематике и характере выступлений, что, по мнению редакционной коллегии, не снизило общего научного уровня конференции, а выразило необходимую ее связь с насущными практическими проблемами финно-угорских народов России, добавило к древу теории непосредственное дыхание жизни.

ISBN 5—7493—0615—1

УДК 81.511
ББК 81.2

© МГУ им. Н.П. Огарева, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Национальное – тонкая ткань любви и приверженности к собственной самобытности, – в основном под таким девизом 4-7 июня 2003 года в Саранске состоялась Международная научно-практическая конференция «Функционирование языков и состояние этнокультуры восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития».

Целью конференции явились:

- определение языковой ситуации и этнокультурных процессов, воздействующих на национальное самосознание финно-угров.

- в соответствии с новой обстановкой и накопленным опытом в различных регионах Российской Федерации в реализации Концепции государственной национальной политики выявления новых путей и научных подходов в разрешении проблем национально-государственного строительства в финно-угорских республиках и автономных округах России.

Исходя их сложившегося положения литературных языков восточных финно-угров и состояния их этнокультуры, круг определенных проблем обсуждался как на пленарных, так и на секционных заседаниях.

Исследования состояния языков восточных финно-угров были представлены на секциях: «Проблемы функционирования восточных финно-угорских языков», «Изучение восточных финно-угорских языков в системе образования Российской Федерации», «Проблемы формирования современной финно-угорской терминологии».

Вопросы этнокультуры и происходящих в ней процессов рассматривались на секциях «Этническая история восточных финно-угорских народов» и «Этнокультура восточных финно-угров».

Инициатором конференции были Правительство Республики Мордовия, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, Исполком межрегионального Совета общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа и Международный Консультативный Комитет финно-угорских народов.

Наряду с учеными-филологами, историками и этнографами из Саранска, Йошкар-Олы, Ижевска, Соликамска, Ханты-Мансийска, Кудымкара, Сыктывкара, Венгрии, Финляндии и Эстонии, изучающими различные аспекты языка, фольклора, литературы, истории и этнографии финно-угров на конференцию были приглашены руководители культурных центров и общественных организаций, работники культуры, образования и средств массовой информации тех регионов России, где компактно проживает мордва: мокшане и эрзяне. Это представители Самарской, Ульяновской, Саратовской, Оренбургской, Пензенской областей, Татарстана, Башкортостана и Республики Чувашия.

На пленарном и секционных заседаниях было сделано более 100 докладов и выступлений.

Учитывая сложившееся тревожное положение восточных финно-угорских языков и озабоченность по сохранению этносов, участниками конференции принято обращение к Президентам, Главам и Правительствам Республик и Администратий автономных округов и регионов проживания финно-угорских народов России.

В предлагаемом сборнике представлены доклады пленарных заседаний и трех секций, посвященные вопросам языкового строительства в восточных финно-угров: мордвы (мокшан и эрзян), марийцев, удмуртов, коми – (зырян и пермяков), ханты и манси.

Оргкомитет и участники конференции выражают большую благодарность за финансовую поддержку, которая была оказана Правительством Республики Мордовия, Международным Консультативным Комитетом финно-угорских народов. В этих же целях использован грант филологического факультета МГУ имени Н.П. Огарева, выделенный РГНФ.

Оргкомитет конференции

“Богатство земли – в хлебе
богатство человека – в уме,
богатство народа – в языке”
Народная мудрость

ОБРАЩЕНИЕ
к Правительствам республик и Автономных округов и регионов
проживания восточных финно-угорских народов
Российской Федерации

В процессе обсуждения широкого спектра проблем на пленарных и секционных заседаниях Международная научно-практическая конференция «Функционирование языков и состояние этнокультуры восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития» отмечает:

- Государственная национальная политика народов – важнейшее условие динамичного развития народов. Но она приобретает реальность только тогда, когда приведены в действие механизмы его осуществления. Один из моментов при этом – конкретный адресный подход. Это проявляется, в частности, в государственных целевых программах национального развития в республиках с финно-угорским населением.

Однако до сегодняшнего дня:

а) Не решена главная задача финно-угорского культурного строительства, а именно: превращение финно-угорских языков в средство школьного образования на родном языке. С родным языком связана цивилизация и национальная культура. Без этого перспективы дальнейшего развития финно-угорских языков как государственных весьма сомнительны;

б) Нет достаточной мотивации работников госаппаратов республик, а также национальной интеллигенции в стремлении ввода восточно-финно-угорских языков в сферу государственного управления и информатики;

в) Процесс выполнения законов о языках в республике не сопровождается интенсивным расширением функционирования восточно-финно-угорских языков в обществе, особенно в печати, в книгоиздании, электронных средствах массовой информации и т.д.;

г) Продолжаются негативные процессы в области демографического положения финно-угорских народов. Если нынешние тенденции продолжатся, тогда из имеющегося финно-угорского населения в республиках к концу XXI века останется лишь мизерная часть;

д) Серьезным препятствием для функционирования финно-угорских языков является их ограничение в официально-деловом стиле. В этом качестве они употребляются, в основном, только в официальных информационных, печатающихся в газетах (законы, указы, официальные сообщения, инструкции).

Учитывая вышеизложенное, участники Международной конференции, озабоченные тревогой за судьбу языков и культур финно-угорских народов,

обращаются к Президентам, Главам, Правительствам, а также Государственным Собраниям республик и считают необходимым:

1) Констатировать, что этнокультура финно-угров, как и других народов России, является неотъемлемой частью современной цивилизации. Следовательно, нужно предпринимать все необходимые меры для ее сохранения.

Эти задачи могут быть эффективными только в случае объединения усилий государственных, общественных организаций и каждого носителя этнокультуры. В этих целях должна совершенствоваться законодательная база развития этнокультуры и механизмы реализации республиканских законов и других правовых документов, касающихся развития культуры народов.

2) Государственный язык должен превратиться из символа в государственную реальность. Он должен стать языком науки и образования, научных конференций и форумов, официальных мероприятий, служебных совещаний и конференций, делового общения. На нем должна вестись деловая документация.

3) Реализовать имеющиеся в каждой из республик программы по динамичному развитию языков и культур финно-угорских народов, проживающих на территории субъекта.

4) Обязать Министерства образования финно-угорских регионов осуществлять постепенный переход в национальных школах преподавание всех общеобразовательных дисциплин на родном языке.

5) При рассмотрении бюджетов поддержать выделение финансовых средств на программы развития языков и культур финно-угорских народов.

6) Расширить информационное поле для нормального функционирования финно-угорских языков, для чего открыть каналы радио- и телевизионного вещания на этих языках, всемерно поддержать газеты и журналы, издающиеся на национальных языках.

7) В целях практической реализации Законов о языках создать при Правительствах республик и администрациях автономных округов специальные службы языка.

8) Улучшить материальное положение учителя, обеспечить условия для его профессионального роста, творческой самореализации и самокоррекции учителя родного языка и литературы.

9) Правительствам республик и администрациям автономных округов особое внимание обратить на финансовое обеспечение изданий учебников, словарей, справочной литературы на финно-угорских языках.

10) При Государственных комитетах и Министерствах по национальной политике организовать термино-орфографические комиссии и возложить на них ответственность за создание словарей различного типа (терминологических, орфографических) и оказать содействие в ускорении подготовки издания словарей. Мобилизовать усилия всех ученых и профессорско-преподавательского состава вузов нашей республики, особенно языковедов для создания отраслевых мокшанско-русских, эрзянско-русских и русско-

мокшанских, русско-эрзянских двуязычных терминологических словарей, которые охватили бы базовые области науки, техники и образования.

11) Обеспечить полную устную и визуальную информацию на финно-угорских языках параллельно с русским в сфере транспорта (аэропорты, ж/д вокзалы и станции, речные порты, автовокзалы и автостанции, городской транспорт) и связи (почтамты и отделения связи).

12) Республики Урало-Поволжского региона должны стать научно-методическими центрами людей, живущих за пределами своего национально-государственного образования. Назрела крайняя необходимость в разработке специальной республиканской программы «Мордовская диаспора», которая должна способствовать четкому анализу и проектированию этнокультурного развития мокши и эрзи, проживающих за пределами Мордовии.

Оргкомитет и участники конференции

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ОБРАЩЕНИЕ к Правительствам республик и Автономных округов и регионов проживания восточных финно-угорских народов Российской Федерации	5
Мосин М.В. ПОЛОЖЕНИЕ ЯЗЫКОВ ВОСТОЧНЫХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	8
Шутов А.Ф. ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	16
Ермушкин Г.И. К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ	22
Поляков О.Е. О ПУТЯХ РАСШИРЕНИЯ ФУНКЦИЙ МОРДОВСКИХ (МОКШАНСКОГО И ЭРЗЯНСКОГО) ЯЗЫКОВ	28
Цыпанов Е.А. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИ КОМИ ЯЗЫК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ?	31
Лобанова А.С. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛЕКТНОЙ СИНОНИМИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА	41
Иванова И.Г. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИНОНИМИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	47
Имайкина М.Д. ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ (ЭРЗЯНСКИЙ ЯЗЫК)	53
Пономарева Л.Г. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОГУБЛЕННЫХ ГЛАСНЫХ В ПОЗИЦИИ НЕПЕРВОГО СЛОГА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА)	59
Мишанин Ю.А. РАССЕЛЕНИЕ – БЫТ – КУЛЬТУРА НАРОДА (ПРОБЛЕМЫ МОКШАНСКОГО И ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКОВ НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТИ РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА)	64
Кочеваткин А.М. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ	69
Ломшина Е.Н., Кулакова Н.А. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЭТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В МОКШАНСКИХ И ЭРЗЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	73
Гаврилова В. СРАВНЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОЦЕНКИ НЕОПРЕДЕЛЁННО БОЛЬШОГО И МАЛОГО КОЛИЧЕСТВА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	78
Левина М.З. НАРУШЕНИЕ НОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ МЕСТОИМЕНИЙ В ШКОЛЕ	82
Мосина Н.М. ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЭРЗЯНСКУЮ РЕЧЬ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	86
Соколова Г. ПОРЯДОК СЛОВ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЛАНЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	91

Ведерникова О.В. ИНТЕГРИРУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОДГОТОВКИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ	96
Алешкина Р.А. СОСТОЯНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛАХ ЧАМЗИНСКОГО РАЙОНА	101
Беспалова Г.Ф. О ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТИ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ	104
Докучаева Р.М. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОМИ И РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) ...	109
Ломшин М.И. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	114
Максимов В.Н., Рычкова Д.М. ИЗУЧЕНИЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛАХ (на примере Сернурского района республики Марий Эл)	127
Бузакова Р.Н. О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОРДОВСКИХ ТЕРМИНОВ НА УРОКАХ ФИЗИКИ И ХИМИИ	130
Водясова Л.П. ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА	136
Киржаева В.П. МОРДОВСКИЕ ЯЗЫКИ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕПОДАВАНИЯ В СРЕДНИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В РОССИИ В XIX В.	142
Рузанкин Н.И. ИЗУЧЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИ НЕ РАСЧЛЕНЕННЫХ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КУРСЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ И ШКОЛЕ	149
Ивлوشкина Н.И. СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ ОБОСОБЛЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В КУРСЕ СИНТАКСИСА ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА	156
Клементьева Е.Ф. ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗОВСКОЙ ПРАКТИКЕ	159
Кабаева Н.Ф. ПРЕПОДАВАНИЕ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ НА НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ МГУ им. Н.П. ОГАРЕВА	163
Моськина С.И. ОРГАНИЗАЦИЯ ИТОГОВОГО ПОВТОРЕНИЯ ПО МОКШАНСКОМУ ГЛАГОЛЬНОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ В 6 КЛАССЕ	165
Прокаева Е.П. РЕЧЬ УЧИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ УРОКА РОДНОГО ЯЗЫКА	168
Кочеваткина А.П. ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЁННОСТИ – НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ В МОРДОВСКИХ УЧЕБНИКАХ	172
Уткина Т.В. ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ В ШКОЛЕ	176
Харитоновна А.М. СОСТОЯНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛАХ АРДАТОВСКОГО РАЙОНА	178
Цыпхайкина В.П. О СОСТОЯНИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛАХ БОЛЬШЕИГНАТОВСКОГО РАЙОНА	183
Аляжкин Н.С. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ШКОЛ СТАРОШАЙГОВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)	186

Поляков О.Е. МОКШАНСКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛАХ ЗУБОВО-ПОЛЯНСКОГО РАЙОНА	189
Рябов И.Н. РОЛЬ МОРФЕМНОГО И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОРФОГРАФИИ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА	191
Иванов Я.Г. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕГО ПРОБЛЕМЫ	194
Волкова Н.И. РЕГИОНАЛЬНОЕ ИМЯ ТВОРЧЕСТВО (НА МАТЕРИАЛЕ КОМИ И РУССКИХ ПРОЗВИЩ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)	199
Д.В. Цыганкин ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОКШАНСКОЙ И ЭРЗЯНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	205
Кузнецова А.П. ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ТРУДАХ В.М. ВАСИЛЬЕВА	208
Гребнева А.М. ЛЕКСИКАЛИЗОВАННОЕ СОЧЕТАНИЕ КАК ЕДИНИЦА НОМИНАЦИИ И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС	213
Яндакова Е.Л. СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. КОЛУМБА	217
Шеянова Т.М. ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОТВЛЕЧЕННОЙ ЛЕКСИКИ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ	221
Борисова О.Г. ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ ЭРЗЯНСКИХ РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ XVIII В.	226
Григорьева Л.Я. ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В ВОСТОЧНОМ НАРЕЧИИ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА	230
Казаева Н.В. МЕСТНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ТОПОНИМИИ МОРДОВИИ	236
Кондратьева Н. В. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ УДМУРТСКОГО ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА	242
Акашкина Р.И. ТЕРМИНЫ МИФИЧЕСКИХ БОЖЕСТВ В ЯЗЫКЕ МОКШАНСКОЙ СВАДЕБНОЙ ПОЭЗИИ	250
Козулина С.Г. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОМИ ЯЗЫКА КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА РЕСПУБЛИКИ КОМИ	253
Иванова Г.С. РАЗВИТИЕ ГЛАСНОГО <i>ä</i> В ПЕРВОМ СЛОГЕ МОКШАНСКОГО СЛОВА	257
Рогожина В.Ф. ИЗУЧЕНИЕ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЙ В РОЛИ ПОДЛЕЖАЩЕГО НА УРОКАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА	261
Мосин М.В. ДИАЛЕКТИЗМЫ – НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА	266
Прокушева Т.И. МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ НА СТЫКЕ МОРФЕМ В КОМИ ЯЗЫКЕ	270
Семенова М.Ю. ГРАММАТИЧЕСКАЯ РИФМА МАРИЙСКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ МОЛИТВ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	273
Ефимова М. Ф. МОРДОВСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	279

Оксенюк А.Е. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЛИАСПЕКТНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ГУМАНИТАРНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ	285
Богатова О.А. ЯЗЫКОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ	292
Седова П. Е. ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В МОКШАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ	298
Ванцова Т.Г. МОРФЕМНОЕ СТРОЕНИЕ МОКШАНСКОГО СЛОВА	300
Воздаева М.Н. С. В. АНИКИН КАК ОДИН ИЗ ЗАЧИНАТЕЛЕЙ МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	304
Артюшкина З.С. ЯЗЫК ЖИВЕТ – НАРОД ЖИВЕТ	309
Белоус Т.И. МАТЕРИАЛЬНЫЙ ВЗНОС ЖЕНИХА, ВЫГОВАРИВАЕМЫЙ ВО ВРЕМЯ СВАТОВСТВА (СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)	312

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛЕКТНОЙ СИНОНИМИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Проблемы, связанные с коми-пермяцкой лексикологией, к сожалению, до недавнего времени не являлись предметом специальных исследований. Языковой материал чаще всего привлекался языковедами, как правило, лишь в сравнительно-сопоставительных целях. Поэтому научные разработки последних лет связанные с диалектной лексикой позволяют на данную ситуацию смотреть более оптимистично. Тем не менее серьёзные нерешённые проблемы остаются. Так, до сих пор не издано ни одного тематического словаря. В вузовском учебнике "Коми-пермяцкий язык" (1962), в единственном научном источнике в этом роде, вопросам коми-пермяцкой лексикологии уделено 40 страниц, из них одна страница – коми-пермяцким синонимам. Большую тревогу вызывает активное обрусение коми-пермяков, что влечёт за собой практически не поддающуюся восстановлению исконной лексики

Сегодня работа по сбору диалектных вариантов проводится студентами коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного педагогического университета, ежегодные экспедиции с аналогичными целями организуются Сыктывкарским госуниверситетом. Думается, что собранный языковой материал в ближайшем будущем обязательно должен "вылиться" в "Сравнительный словарь коми-пермяцких диалектов".

Диалектная лексика, как наиболее уязвимая часть словарного состава языка, как наиболее быстро реагирующая на общественную жизнь, а, вернее, на её изменения, как наиболее важный источник исторических особенностей развития народа и является предметом наших исследований, сказать точнее, наблюдений.

Территориально ограниченная лексика современных коми-пермяцких диалектов настолько же уникальна и интересна, насколько не в полной мере зафиксирована и обработана. Удивляет и поражает тот факт, что на такой сравнительно небольшой территории функционирует такое изобилие диалектных (локальных) лексем. Именно лексем, а не фонетических и грамматических вариантов одного слова, хотя такое явление также чрезвычайно интересно и также имеет место в языке коми-пермяков. Наблюдения последних лет, а также опубликованные работы А. С. Кривощёковой-Гантман, Р. М. Баталовой и др., содержащие диалектные тексты, позволяют на территории Коми-Пермяцкого автономного округа условно выделить три основных ареала, где ярко выражена (представлена) диалектная лексика. К сожалению, из-за недостаточного количества

материала по верхне-камскому наречию (Афанасьевский район Кировской области) и коми-язьвинскому наречию (Красновишерский район Пермской области), в данной работе мы практически ими не работаем.

Первый ареал, центральный в географическом плане и насчитывающий большее количество своих носителей – это словарный состав кудымкарско-иньвенского диалекта (ставшего основой литературного языка) и в определённой степени нердвинского диалекта, охватывающих территорию Кудымкарского и части Юсьвинского районов. Примеры: *вõзцветки* “василёк”, *пыши* “конопля”, *гõнатиак* “волнушка”, *ань* “свекровь”, *орда* “ватага ребят” и др.

Диалектизмы нижнеиньвенского и оньковского диалектов (юго-восточная часть Юсьвинского района), с которыми очень близка лексика язьвинских пермяков (коми-язьвинское наречие), образуют второй ареал. Примеры: *нарман* “грабли”, *лярва* “зубоскал”, *гежень* “ягоды с молоком или со сметаной”, *утвом* “как следует”, *дзигавны* “упасть” и др.

Диалектная лексика северного наречия коми-пермяцкого языка составляет третий ареал. Наречие насчитывает сегодня 4 диалекта (по мнению некоторых исследователей 3 диалекта): кочёвский, косинско-камский, мысовский, верх-лупьинский и занимает территорию Кочёвского, Косинского и Гайнского районов. Примеры: *бальянь* “жимолость”, *выкны* “зазнаваться”, *гуалны* “хоронить”, *палак* “облако”, *солозоб* “человек, любящий солёную пищу”, *улõс* “табуретка”, *чаз* “остатки вытопленного внутреннего жира” и т.д. В плане исторической лексикологии наибольший интерес представляет ареал северного наречия. Также следует отметить, что оно довольно неоднородно по всем языковым аспектам, поэтому, исследуя лексические особенности, в нем целесообразно выделять ещё подвиды, подгруппы ареала.

Заметим, что совершенно неслучайно в 20-е годы прошлого столетия имели место предложения о создании двух литературных языков: для южных и северных пермяков. Но в силу ряда причин был создан, в определённой степени, искусственный литературный язык, который сегодня обслуживает всех говорящих, читающих и пишущих на коми-пермяцком языке. Заметим, что из особенностей северного наречия в современном литературном языке нашёл отражение лишь звук л, и то лишь в том виде, как он употребляется в коми (зырянском) литературном языке, все лексические инновации, интереснейшие грамматические особенности (глагольное и именное словообразование, функционирование несколько иных формообразовательных суффиксов, послелогов, частицы и др.) остались за рамками литературных норм. Язык северных писателей до 80-ых г. подвергался редактированию. На наш взгляд, что-либо менять сейчас кардинально в этом плане не имеет большой необходимости. Следует сохранить сложившуюся традицию и одновременно осознавать, что в этих условиях роль местных локальных языковых вариантов значительно повышается.

Определённые трудности сегодня вызывает само понятие “диалектная лексика коми-пермяцкого языка”. Согласно ЛЭС диалектизмы являются отступлениями от языковой нормы, а в художественной литературе употребляются лишь “как средство стилизации, речевой характеристики персонажей” (ЛЭС 1990: 133). Данный принцип разграничения слов двух категорий: территориально ограниченной и общеупотребительной относительно коми-пермяцкого языка, видимо, не может быть однозначно принят. Здесь следует остановиться на нескольких нюансах. Во-первых, в языке коми-пермяков имеет место масса лексических вариантов, которые, по нашему мнению, не должны составлять диалектную базу, т.к., получив статус диалектизма, у слова автоматически сужаются функции, в первую очередь, в художественном тексте, в печатном слове и т.д. К этой группе слов мы относим те исконные лексемы, которые в центральном кудымкарско-иньвенском диалекте заменены русскими вариантами, но сохранились в большинстве соседних говоров, в большей части это названия флоры и фауны, термины родства, термины частей тела, различные обрядовые термины и т.д., напр. малина *вм. ѓмидз*, василёк *вм. лѓзчача*, крестник *вм. вѓжани*, кузнецик *вм. енкобывка*, грыжа *вм. кила* и др. Одним словом, заимствованная лексема стала литературной нормой, а исконная – диалектизмом.

Во-вторых, в современных условиях существования и функционирования коми-пермяцкого языка важное место занимают т.н. этнографизмы “названия предметов, характерных для быта, хозяйства отдельной местности, не имеющие параллелей в литературном языке (ЛЭС 1990: 133). Согласно нормативным словарям эта группа слов также не может составлять общеупотребительный словарный фонд и должна рассматриваться как составная часть диалектной лексики с соответствующими функциональными разграничениями (см. там же). Картина употребления этих этнографизмов сегодня коми-пермяками такова, что они общеизвестны и общеупотребительны как раз в тех местах, где на национальном языке активно говорят, где его изучают в школе, и они менее известны в крупных сёлах и районных центрах, где несколько иные бытовые условия, но и там крайне мало говорят на родном языке (за исключением людей пожилого возраста), а о преподавании этого языка в школе не может быть и речи. Так можно ли слова типа *изѓрмыны* “истощиться (о земле)”, *вирѓдз* “рассадник”, *йѓртан* “перегородка в хлеву”, *зѓбня* “плетёнка из лыка или бересты”, *кашник* “глиняная посуда”, *чѓрс* “веретено”, *сѓр* “в крестьянском доме особая полка” и др., раскрывающие этнографические особенности, одинаково понимаемые большей частью коми-пермяков, считать согласно устоявшихся традиций диалектизмами?

Третий момент, на котором мы считаем нужным остановиться, это географические особенности округа, наложившие свой след на словарный состав языка. Так, в северных районах округа сохранились традиционные промысловые занятия: повсеместно ягодные и грибные сборы, в меньшей

степени рыболовство и охота. Термины, обозначающие эти сферы деятельности человека, на данной территории общеизвестны: *пелыс* “весло”, *чӧс* “вид капкана”, *мыртом* “морошка”, *чӧдьягӧд* “черника”, *сусголи* “кедровая шишка” и др. и одновременно их значение может быть неизвестно в диалектах южного наречия. Т.е. ряд лексем, нашедших своё функционирование на 70 процентах площади округа (такую площадь занимает северное наречие) и имеющих около 30 процентов носителей коми-пермяцкого языка, не могут претендовать на роль литературной нормы. Одним словом, до тех пор, пока не будут выработаны с учётом многих сугубо индивидуальных особенностей принципы разграничения территориально ограниченной лексики и литературной нормы, спорных, двояко трактующих моментов будет не избежать.

Всё сказанное выше не следует понимать, что в коми-пермяцком языке в принципе нет диалектных слов. Такой раздел существует и, как уже было сказано выше, он довольно богат и обширен. На наш взгляд, довольно интересную картину представляют диалектные синонимы.

Как известно, лексический синонимический ряд существует за счёт близких по значению слов, которые своим происхождением обязаны нескольким источникам (заимствованиям, фразеологизмам, диалектизмам, стилистически окрашенным словам, устаревшим словам и т.д.). Диалектная синонимия в этом плане, возможно, в причину своего локального функционирования не занимает столь важного места, как другие группы слов. Тем не менее, эти варианты зачастую несут большую информацию в плане этимологии и семантики.

Нам бы хотелось остановиться на конкретных примерах, взятых из разных говоров и диалектов коми-пермяцкого языка, несущих, по нашим наблюдениям, идентичные функции на своей территории, но совершенно незнакомые носителям других мест или воспринимающиеся в ином значении. Поэтому здесь зачастую уместен вопрос, насколько они в одних случаях будут диалектными синонимами, в других — диалектными омонимами.

Так, например, для северных диалектов характерно выражение *картаӧ пырны* досл. “в хлев зайти”, оно употребляется в том случае, когда мужчина, женившись, идёт жить в дом жены. Причём повсеместно данный поступок не одобряется окружающими, и мужчина обычно отваживается на этот шаг в крайних случаях. За глаза его могут называть *рака* “ворон” или *бордтӧм рака* “бескрылый ворон”. В близкородственных языках употребление рака в приведённом значении не обнаружено, поэтому, смеем предположить, что вторичное значение данной лексемы возникло на собственно коми-пермяцкой почве. Устойчивое сочетание *картаӧ пырны* в этом же контексте имеет место и в отдельных диалектах коми-зырянского языка. Следует предположить, что первоначально слово *карта* обозначало “дом, хозяйство” (КЭСЯ 1970:117-118), а несколько позднее семантика слова претерпела некоторые изменения и сегодня выступает в значении “хлев”. Т.е., учитывая

первоначальное значение, дословный перевод может быть таким “в дом войти”. В русском языке выражение “пойти в дом”, т.е. жить в доме невесты и сегодня довольно употребительно. Добавим, что южные коми-пермяцкие диалекты для выражения аналогичного состояния мужчины знают сочетание *дом мунны* “дом идти”. *Дом мунны* – полукалька с русского языка, понятно, что по сравнению с выражением *картаё пырны* более позднего происхождения. Возможно, оба варианта сочетаний являются довольно древними кальками, но, в силу того, что и то, и другое выражение знает сугубо индивидуальный ареал функционирования, можно сказать, что у них были разные в территориальном плане источники влияния. В северных диалектах коми-пермяцкого языка (помня о наличии данного выражения и в языке коми (зырян) *картаё пырны* могло возникнуть под воздействием северно-русских говоров, а в южных диалектах – через прикамские русские говоры. Сегодня совершенно точно можно сказать, что эти сочетания являются абсолютными диалектными синонимами, состоящими только из одной пары.

В аналогичной роли выступают выражения *дынён-йывйён* и *падвеж* “спать валетом”. *Дынён-йывйён* досл. “основанием-концом” (*дын* “основа, толстый конец бревна, дерева”, *йыв* “тонкий конец бревна, дерева”), пожалуй, можно принять за литературную норму, *падвеж* – редко встречающийся вариант, в структурном плане из себя представляет сложное слово с утратившими былую самостоятельность компонентами: *пад* восходит к уст. слову со значением “дорога”, *веж* “развилка, перекрёсток”. В близкородственных коми-зырянском и удмуртском *падвеж* обозначает “скрещение, пересечение”. *Падвеж*, сохранившись эпизодически в исследуемых диалектах, опять видоизменил свою семантику и, перейдя из существительного в разряд наречия, не взял в застывшей форме ожидаемый падежный показатель *-ён*. Добавим, что для северных диалектов характерно ещё одно выражение – *падвеж лоны* (досл. “перекрёсток стать”), в значении – разминуться, не встретиться.

Главная особенность абсолютных синонимов заключается в их предельной семантической равнозначности, т.е. в полном совпадении их предметно-логического содержания. Наибольшее количество абсолютных диалектных синонимов в исследуемом языке составляют термины различных растений. Четыре-пять номинаций для обозначения одного вида – картина довольно часто встречающаяся, причём, все варианты могут быть образованы на исконном материале с использованием различных словообразовательных приёмов: напр. *туйдортурун* (букв. *туй* “дорга”, *дор* “край”, *турун* “травя”), *масісьтурун* (*масісь* “свеча”), *вирёлантурун* (*вирёлан* “кровоостанавливающая”), *жилатурун* (*жила* из рус.), *шырпыж* (*шыр* “мышь”, *пыж* “лодка”) “подорожник”, *луниёрикатурун* (*луниёрика* “полудница” (миф. героиня), *ыбчача* (*ыб* “поле, чача “игрушка”), *рудзёгчача* (*рудзёг* “рожь”), *сючача* (*сю* “злаковая культура”), *лөзчача* (*лөз* “синий”) “василёк”.

Далее остановимся на синонимической группе (ряде), возникшей благодаря диалектным лексическим вариантам. Обычный носитель языка, не занимающийся вопросами лингвистики, все приведённые дальше слова с предлагаемой семантикой может и не знать, т.к. в каждой местности они могут быть различными. Значение этих лексем практически взаимозаменяемо, тем не менее, нам бы не хотелось её причислять к разряду абсолютных синонимов, ибо здесь имеет место табу, а табуированные синонимы принято рассматривать в разделе эвфемизмов. В качестве обозначения “кладбище” нами зафиксированы следующие слова и выражения: *могильник*, *модік городок* (*модік* “другой”) *креста деревня* (деревня с крестами), *верхньої деревня*, *креста мыс*, *шойнаыб* (*шойна* “могила”, *ыб* “поле”), *карвыл* (*кар* уст. “городище”, *выл* “верхняя часть”), *яг* или *Васькаяг* (*яг* “бор, сосняк”). Литературной нормой принято считать вариант *могильник*, как наиболее нейтральный. По наименованиям можно понять, что в основу названия могли войти рельефные особенности местного кладбища.

Эвфемизмы чаще встречаются при обозначении различных жизненных ситуаций: беременность и рождение ребёнка, смерть, физические недостатки человека, поведение человека в лесу, реалии, связанные с домашней скотиной и т.д. Локальные устойчивые сочетания и в переносном значении употреблённые слова в составе таких синонимических рядов, как правило, вполне ожидаемые варианты.

Самые употребительные, по нашим наблюдениям, диалектные лексические синонимы дисфемизмы, когда происходит замена нейтрального слова более грубым, пренебрежительным вариантом. Мы затрудняемся ответить на вопрос, почему такого характера синонимы так популярны в речи коми-пермяков. Так, говоря о полном человеке нейтральными вариантами будут *ён*, *кыз*. С более пренебрежительным значением для выражения данного качества нами зафиксировано слово в кочёвском диалекте *кызбурня*, где *кыз* “полный, толстый”, а вторая часть в качестве самостоятельного слова в языке не зафиксирована, но *бурня* имеет место в близкородственных языках, в которых выступает как многозначное слово и одним из переносных значений является “неподвижный, ленивый человек”, основная семантика связана с понятием “большая, круглая осиновая посуда для ссыпки зерна, хранения муки” (КЭСКИЯ 1970: 42). Следует предположить, что вариант *кызбурня* не случайно возникает в речи, что возможно в прошлом он имел более широкое распространение. Лексема *бондя* с таким же пренебрежительным оттенком больше характерна для южных диалектов, сочетания *кыз кынём* (“толстый живот”), *кыз яй* (“толстое мясо”) в качестве дисфемизмов могут встретиться в художественных текстах. К этому же разряду относятся такие примеры как *рөголь*, *руйось* в зн. “неряха”, *нюзь*, *тунгус* “тихоня” и др.

В предложенном ракурсе возможен анализ всех групп синонимов.

Т.о., лексический языковой материал диалектов коми-пермяцкого языка даёт большие возможности для разноплановых исследовательских работ, среди которых вопросы синонимии должны занять достойное место.

Литература

1. Габова Т.Н. Лексические синонимы коми языка. Сыктывкар, 1990.
2. КЭСКО – Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970
3. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Иванова И.Г.
г. Йошкар-Ола

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИНОНИМИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксическая синонимия представляет собой сложное многогранное явление. В ней переплетаются лексические, морфологические, синтаксические аспекты. В основе синтаксической синонимии так же, как и в лексической и морфологической лежат общность, близость и тождество основного содержания и грамматического значения синонимичных конструкций. Если в области морфологии грамматическое значение выражается формами одного и того же слова, то в синтаксисе оно предполагает наличие отношений (объектных, определительных, обстоятельственных), которые немыслимы без участия как минимум двух самостоятельных компонентов. Одним из показателей синтаксических отношений являются послелогои. Послелогои в марийском языке как и в других финно-угорских языках, представляют видоизменённую форму многих древних падежей, которые исчезли и заменились послелогоами. . Послелогои и наречия в прошлом были существительными, которые склонялись. Согласно С.С. Сибатровой (1986:123) послелогои в марийском языке употребляются прежде всего для выражения пространственных отношений. По мнению И.С. Галкина (1984), Б.А. Серебренникова (1965), К.Е. Майтинской (1982) специфической особенностью финно-угорских языков является обилие различных локальных падежей. Причину большого количества их Б.А. Серебренников видит в тенденции этих языков к выражению различных оттенков способа протекания действия с помощью лативов вследствие отсутствия в них предлогов. В дальнейшем “Пространственные падежи в некоторых финно-угорских языках начали уменьшаться. Для выражения отношения между словами стали использоваться послелогои, которые выполняли функцию падежных